
РАЗДЕЛ II. ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ И «КАЧЕСТВО» ГОСУДАРСТВА

К. ДЖАНДА

«GOVERNANCE», ВЕРХОВЕНСТВО ЗАКОНА И ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ

Если задать десятку ученых из различных областей знания вопрос о том, что такое *governance*, то, скорее всего, можно будет получить десять разных ответов. Этот термин использовался в описании работы предприятий, профсоюзов, общественных ассоциаций, государственных корпораций и управленческих структур на всех уровнях (в особенности на уровне международных организаций). Можно предположить, что это понятие во всем многообразии вариантов его использования относится к качеству управления какими-либо организациями, указывая на то, насколько хорошо они функционируют. Однако некоторые авторы выходят за рамки *процессуального* понимания термина, акцентируя внимание на *результатах*, которые достигаются организациями. При этом третья группа специалистов отказывается как от процессуального, так и от результатного подхода, определяя *governance* как *институты*, обеспечивающие осуществление законной власти в обществе. Наконец, есть авторы, использующие этот термин для обозначения самого *правительства* (*government*¹) [Weiss, 2000; Taylor, 2002, p. 36–37].

¹ Термин *government*, использованный в оригинале статьи, в англоязычной понятийно-терминологической системе имеет множество значений – это и прави-

Каково же в таком случае *правильное* значение этого термина? Однозначного ответа на этот вопрос нет¹. Научные термины, подобные *governance*, – это всего лишь ярлыки, присваиваемые понятиям, которые сами по себе являются не более (но и не менее) чем «сжатыми формами выражения общих представлений» об изучаемом предмете [Blakeley, Bryson, 2002, p. 1]. Хотя авторы (по крайней мере, большинство из них) стремятся к лаконичным формулировкам понятий, те, в свою очередь, часто отражают сложные мыслительные конструкции, вынуждая авторов заменять понятия краткими терминами. Сами по себе термины и понятия не могут быть верными или неверными. Однако они могут быть полезными или бесполезными в интеллектуальном поиске и исследовательской работе.

Равно как те или иные понятия могут быть более или менее пригодны для использования в научном исследовании, так и термины, соответствующие этим понятиям, могут быть более или менее полезны в коммуникации между учеными. Проблемы в коммуникации возникают в том случае, когда один и тот же термин «закреплен» за разными понятиями. Будучи свободными в использовании нравящихся им терминов для обозначения нужных понятий, исследователи, пишущие о *governance*, часто имеют в виду

тельство как высший орган исполнительной власти, и система государственной власти, включающая все ее три ветви, и органы государственного управления, и государство в целом, и пр. В соответствии со сложившейся традицией словоупотребления, его значение всякий раз имплицитно определяется контекстом. Данная статья не является исключением. Более того, в различных фрагментах текста это слово используются в разных значениях. В переводе приведены русскоязычные эквиваленты термина, наиболее близко передающие его значения в каждом конкретном случае употребления. – *Прим. ред.*

¹ Проблема перевода термина *governance* усугубляется тем, что хотя, как утверждает Wikipedia (Режим доступа: <http://en.wikipedia.org/wiki/Governance>), это слово впервые использовал еще Платон и от него из греческого языка оно перешло в латинский, а затем и во многие другие, в русскоязычной политологической лексике ему пока нет общепринятого аналога. Решение было подсказано самим К. Джандой, который справедливо полагает, что термины – всего лишь лейблы понятий и сами по себе не могут быть верными или неверными, а только лишь более или менее полезными. Они полезны тогда, когда за определенным термином закреплено определенное понятие, и только оно. Поэтому было решено оставить оригинальный лейбл *governance* за понятием, раскрытию содержания которого посвящена добрая половина статьи. – *Прим. ред.*

совершенно разные вещи. В результате читатели, интересующиеся качеством государственного управления, при контекстном поиске могут сталкиваться с иррелевантной информацией – например, с работами, посвященными качеству управления корпорациями. К тому же читатели, изучающие качество государственного управления, могут интересоваться совершенно разными его аспектами. Таким образом, для ответа на вопрос, что такое *governance*, нужно понять, способствует ли то или иное его определение лучшему пониманию сути проблемы. Другими словами, полезно ли для дальнейших исследований понятие, соответствующее данному термину? Если да, то в чем состоит эта польза?

В данной работе термин *governance* используется для обозначения того, насколько хорошо работают правительства в разных странах. Такое определение соответствует концепции, предложенной рядом авторов [Besançon, 2003; Lim, 2009; Remington, 2008]. Оно политологическое, поскольку относится только к государственному управлению. Более того, оно характеризует результаты управления, а не процесс или институты, и позволяет разделить страны на те, которые управляются хуже, и те, которые лучше. Концептуальное определение *governance* имеет полную и краткую формы. В полной форме определение таково: *governance* – это мера предоставления государством своим гражданам желаемых благ (плодов) управления по приемлемым ценам. Кратко можно сказать, что это мера предоставления государством своим гражданам благ (плодов) управления.

Полное определение позволяет выделить два аспекта оценки качества *governance*. Оно исключает из «благ управления» то, чего граждане не желали бы иметь (например, огромные дамбы или АЭС) или хотели бы (например, вооруженные силы для национальной обороны или транснациональная железнодорожная магистраль), но только по разумной цене. В обоих указанных случаях нельзя говорить о хорошем *governance*.

Краткое определение просто предполагает, что граждане нуждаются в предоставляемом благе и согласны с его стоимостью. Наше понимание *governance* схоже с его пониманием М. Безансон:

«*Governance* – это предоставление политических благ (начиная с безопасности) гражданам нации-государства. О хорошем *governance* можно говорить, когда государство предоставляет полити-

ческие блага высокого уровня, т.е. когда нация-государство эффективно функционирует от лица своих граждан» [Beşaçon, 2003, p. 1].

Но оно отличается от предлагаемого М. Безансон тем, что включает в себя слово «мера», которое придает понятию количественный характер, не упрощая его при этом [Lim, 2009, p. 3]. Количественный характер предполагает, что *governance* в любой стране можно ранжировать от плохого к хорошему. При этом качество управления может оцениваться исходя из разного понимания ожидаемых от него благ. Наше определение не обязательно лучше или полезнее того, что предлагает энциклопедия «*The Encyclopedia of Governance*»¹, но оно хорошо подходит для объяснения того, почему правительства стран различаются по качеству своей работы, и способствует пониманию межстрановой вариации качества государственного управления.

Определение *governance*

Рассмотрим пять различных вопросов, возникающих при определении *governance*.

1. Какова область применения предлагаемого определения: к какому классу организаций оно относится?
2. К какому аспекту, характеризующему организацию, оно относится (структура, процесс, результаты)?
3. Поддерживает ли оно количественное измерение?
4. Имеет ли оно качественные параметры?
5. Как оно связано с демократией?

Какова область применения предложенного определения?

На быденном языке английское слово *governance* восходит к глаголу *govern*, означающему *направлять и контролировать действия людей государственной властью*. Многие авторы (в основном, политологи) до сих пор определяют *governance* в терминах политики правительства [Taylor, 2002, p. 37–40]. Назовем это *политическим* приложением – в отличие от более позднего *социально-экономического*.

¹ *Bevir M. Encyclopedia of Governance. – Thousand Oaks: Sage, 2007. – Vol. 1–2. – 1232 p. – Прим. ред.*

В получившей широкую известность статье, опубликованной в середине 1990-х годов, Р. Роудз утверждал: «Термин *governance* широко распространен, но лишен точного определения», имея «как минимум шесть применений» [Rhodes, 1996, p. 652]. Сам Роудз предпочел определение, выходящее за пределы государственной власти: «*Governance* относится к “самоорганизующимся межорганизационным сетям”», которые «дополняют рынки и иерархии в качестве управленческих структур для властного распределения ресурсов и осуществления контроля и координации». Позднее он переформулировал свое определение: «*Governance* относится к *самоорганизующимся межорганизационным сетям*, характеризующимся взаимозависимостью, обменом ресурсами, правилами игры и значительной автономией от государства» [Rhodes, 1997, p. 15; курсив Р. Роудза]. Его определение не ограничивает понятие взаимодействиями между государством и гражданами, а фактически распространяется на негосударственные приложения, что позволяет нам отнести его к социально-экономическому использованию.

Роудз – имея на то полное право – адаптировал этот термин к процессу принятия решений во всех социальных организациях. Об этом намерении свидетельствует название его статьи: «Новое *governance*: Управление без правительства» [Rhodes, 1996]. К чести Роудза, он четко оговорил альтернативность своего определения и применил его к ряду исследований, которые породили множество иных, но родственных социально-экономических определений, относящихся ко всем социальным организациям. Интерес политологов к этому понятию обычно ограничивается сферой политики правительства, что требует возвращения термину его исторического более узкого определения. Как сказал один исследователь, «хотя можно говорить о *governance* безотносительно к правительству, говорить о правительстве безотносительно к *governance* нельзя» [Taylor, 2002, p. 37].

**К чему относится *governance*:
структуре, процессу, результатам / следствиям?**

Ученые часто изучают ту или иную проблему с разных точек зрения, поэтому даже те, кто использует понятие *governance* применительно к политической сфере, могут рассматривать различ-

ные аспекты предмета исследования и – следовательно – по-разному его определять. Одни авторы находят полезным рассматривать его в терминах структуры; другие предпочитают процессуальный подход; третьи концентрируют внимание на результатах процесса.

Структурные определения. Некоторые определения *governance* концентрируются на институциональной *структуре*. Это особенно характерно для тех работ, в которых *governance* отождествляется с правительством [Bevir, 2007, p. xxxvii]. Однако многие социально-экономические определения также рассматривают прежде всего «управленческие механизмы» (*governing mechanisms*) – в особенности, когда они не являются государственными институтами [Stoker, 1998]. Показательным примером политического определения на основе структурной концепции является первая часть дефиниции, предложенной Всемирным банком: «Governance включает в себя традиции и институты, посредством которых в стране осуществляется власть» [World Bank, 2010]. Позднее мы увидим, каким образом Всемирный банк расширил свое определение, но его структурный акцент тем не менее очевиден.

Процессуальные определения. Рассмотрим определения *governance*, сфокусированные на *процессе* [Peters, 2002]. Понятие «европейское *governance*», предложенное Европейским союзом, включает в себя «правила, процессы и поведение, которые влияют на осуществление власти на европейском уровне, особенно в отношении открытости, участия, подотчетности, эффективности и согласованности» [European Commission, undated]. Другой пример – определение, предложенное Экономической и социальной комиссией ООН для Азии и Тихого Океана: «Процесс принятия решений и процесс реализации (или не реализации) принятых решений» [UNESCAP, undated]. Можно привести также множество иных определений *governance* как процесса. На самом деле, предложенное Всемирным банком определение структурного характера, имеет продолжение: «...процесс, посредством которого правительства выбираются, контролируются и смещаются; способность правительства эффективно формулировать и реализовывать состоятельный политический курс; уважение гражданами и государством институтов, регламентирующих экономические и социальные взаимодействия между ними» [World Bank, 2010].

Далеко не всегда можно четко разделить определения на основе структуры и на основе процесса, однако сама попытка такой классификации помогает выявить различия между двумя концептуальными подходами.

По результатам / последствиям. Структурные и процессуальные определения *governance* существенно отличаются от тех, которые сконцентрированы на *результатах* или *последствиях* [Stoker, 1998, p. 17]. Результаты и последствия – близкие термины, и они соответствуют схожим понятиям. По определению известной международной организации, «результатами являются блага и услуги, предоставляемые государственными организациями (например, выплаченные социальные пособия); последствия определяются как воздействие предоставляемых благ и услуг на значения социальных, экономических и иных индикаторов (например, число студентов, социальное равенство)» [OECD, undated].

И результаты и последствия дают конечную характеристику процессов, но результаты отражают в большей степени непосредственные эффекты, а последствия – долгосрочные. Г. Петерс указывает на то, что различие результатов и последствий связано с измерением *governance*: «...нас может интересовать либо в какой мере указанные ранее процессы формируют способность управлять, либо каковы непосредственные результаты управленческого процесса. В этом случае нас интересует измерение последствий процесса управления. Что произошло в обществе под влиянием вмешательства правительства и связанных с этим социальных факторов?» [Peters, 2002, p. 556–557].

Г. Петерс, следовательно, предпочитает измерение *governance* в терминах последствий, отмечая, что основной вопрос здесь – «было ли оно успешным и имело ли оно место на самом деле?»

Другие авторы также высказывались за определение *governance* через последствия. Т. Ремингтон определил *governance* как «предоставление общественных благ и услуг, включая гарантию прав собственности и минимум социальной защиты» [Remington, 2008, p. 6]. Концептуализация *governance* в терминах последствий в особенности подходит при объяснении его межстрановой вариации.

Поддается ли данное понятие количественному измерению?

Исследователи обычно пишут о «good governance» [Weiss, 2000; Taylor, 2007]. В одной из последних книг, посвященных этому вопросу, «good governance» определяется как выражение «одобрения не только определенного типа политического устройства (обычно – демократии) и связанных с ним ценностей (например, уважение прав человека), но и некоторых дополнительных компонентов» [Smith, 2007, p. 4]. Очевидно, определение «хорошее» по отношению к *governance* противопоставляется «плохому», а между ними располагаются промежуточные степени. К сожалению, многие определения *governance* (в особенности структурные и процессуальные) не допускают количественного измерения, т.е. определения отношений «больше – меньше». Рассмотрим, к примеру, приведенное выше определение Роудза: «...самоорганизующиеся межорганизационные сети», которые «дополняют рынки и иерархии в качестве управленческих структур для властного распределения ресурсов и осуществления контроля и координации». Трудно представить, каким образом можно проранжировать самоорганизующиеся сети на шкале «меньше – больше». Любое упорядочение представляется при таком подходе бессмысленным. Или определение, предложенное Экономической и социальной комиссией ООН для Азии и Тихого Океана: «Процесс принятия решений и процесс реализации (или не реализации) принятых решений». Как можно ранжировать «процесс»? Что такое *больше* «процесса»? Неясно также, что лучше, – *больше* «процесса» или *меньше*?

Существует возможность некоторого непосредственного сравнения стран по этому параметру, но она, вероятно, вызовет возражения у многих исследователей. Если взять за основу стандартное политическое определение управления как направления действий людей и контроля над нами со стороны государства, то качество управления может быть измерено как степень, в которой действия граждан направляемы и контролируемы. Тоталитарное государство при таком подходе получит высокую оценку качества государственного управления, а анархическое – низкую. Однако немногие согласятся с подобным подходом к измерению *governance*, предполагающим, что диктатура тождественна хорошему *governance*. В сравнительных политологических исследованиях

следует рассматривать не просто «количество» *governance*, а количественно измеряемую вариацию в его *последствиях*.

Необходима количественная концепция *governance*, которая позволяет отличать его «плохие» последствия от «хороших» с помощью некоторой имплицитной шкалы. Один из способов обеспечения измеримости понятия предполагает включение в его определение словосочетания «степень, в которой». Определив *governance* как *степень, в которой государство предоставляет гражданам ожидаемые ими блага по приемлемым ценам*, мы обеспечили возможность измерения понятия с помощью некоторой шкалы («низкое – высокое») [см. также: Besançon, 2003, p. 1].

Граждане любого государства часто сомневаются в эффективности правительства. Тем не менее большинство из них (за исключением анархистов и настоящих ненавистников правительства) признают, что правительство предоставляет некоторые блага (к примеру, водоснабжение и канализация, дороги и мосты, охрана порядка и отправление правосудия, государственная система образования и финансовое регулирование и др.). Люди расходятся, однако, в оценке значимости таких действий, как разбивка парков, выплата пособий по безработице, поддержка малоимущих, развитие бесплатной системы здравоохранения и т.д. Особенно сильно мнения граждан разнятся по таким вопросам, как поддержка государством религии, разрешение аборт, введение цензуры на медиаресурсы сексуального содержания и др.

Поскольку граждане по-разному (в особенности в разных культурах) оценивают предоставляемые государством услуги, они будут иметь разные представления о том, что должно входить в полный набор желательных благ, предоставляемых правительством в форме последствий или политики, проводимой по тем или иным проблемам. Граждане, вероятно, достигнут консенсуса по относительно небольшому набору универсальных материальных ценностей (например, водоснабжение и канализация, бесперебойная подача электроэнергии). Однако эти услуги могут быть обусловлены уровнем экономического развития страны в большей мере, нежели эффективностью работы правительства. Задача же состоит в том, чтобы определить всеми признаваемые приоритетные ценности, которые, как правило, ассоциируются больше с политикой, чем с экономикой. Эти приоритетные ценности неми-

нуемо носят более абстрактный характер и названы нами *метаценностями* (приставка «мета-» указывает на трансцендентность, всеобъемлемость этих ценностей). Рассматривая блага, предоставляемые государством, в терминах метаценностей, можно надеяться на достижение большего согласия при межстрановом измерении *governance* [Walker, de Búrca, 2007].

Не противоречит ли понятие *governance* качественным параметрам?

Предложенная нами количественная концептуализация *governance* учитывает также его качественные измерения. Наш подход измеряет качества *governance* через измерения различных метаценностей, относящихся к благам, предоставляемым государством. Одной из них (если не принимать во внимание мнение анархистов) является, к примеру, «верховенство закона». Другой – «политическая стабильность». Оба эти понятия отражают разные качества *governance*. То, что некоторые страны могут ослабить верховенство закона, но при этом повысить политическую стабильность, говорит о том, что это разные следствия *governance*. В принципе можно проранжировать страны мира по степени, с какой они обеспечивают верховенство закона, и отдельно от этого – по степени обеспечения политической стабильности.

Можно рассматривать несколько предоставляемых государством благ на уровне метаценностей, которые характеризуют качества *governance*. Хотя Всемирный банк, как отмечалось выше, формально определил *governance* в структурно-процессуальном ключе, фактически он разработал индикаторы качества, изменяемые для 212 государств в терминах шести конкретных последствий: 1) результативность правительства (*government effectiveness*); 2) верховенство закона (*the rule of law*); 3) контроль над коррупцией (*control of corruption*); 4) качество государственного регулирования (*regulatory quality*); 5) политическая стабильность (*political stability*); 6) подотчетность правительства гражданам (*voice and accountability*).

Справочник «Worldwide Governance Indicators»¹ считается лучшим и наиболее полным кросснациональным собранием данных по governance [Radelet, 2003, p. 34]. Соответственно, индикаторы представляют собой разумную операционализацию концептуального определения этого понятия.

Как governance связано с демократией?

Кто-то может увидеть сходство между governance (в особенности в том виде, как мы его определили) и демократией. Заметим, однако, что определений демократии гораздо больше, чем определений governance [Vanhanen, 2002, p. 48–49]. Тем не менее в представлении общества демократическое правительство должно руководствоваться общественным мнением. Если governance означает «степень предоставления государством желаемых благ гражданам», то не тождественно ли оно демократии?

В предложенном здесь определении governance присутствует элемент соответствия общественному мнению. Однако большинство исследователей определяют демократию не в терминах результатов политики или социальных последствий, а скорее в терминах процесса управления [Джанда и др., 2006, с. 59–62]. Некоторые авторы пытаются объединить демократический процесс и результаты предоставления благ государством в понятии «democratic governance». С. Мейнворинг и Т. Скалли так подходят к проблеме: «Democratic governance концептуально отличается от понятий “качество демократии” и “качество governance”. Democratic governance – это в значительной мере количественная (порядковая) характеристика того, насколько хорошо функционируют правительство и государство в условиях демократического режима. В отличие от него *качество демократии* характеризует степень “демократичности” политического режима. Большинство исследований, посвященных *качеству демократии*, концентрируется исключительно на процессуальных аспектах демократии, в то время как хорошее democratic governance учитывает также результаты проводимой

¹ Индикаторы «Worldwide Governance Indicators» – рассчитываются по странам мира с 1996 г., с 2002 г. – на ежегодной основе (см.: http://en.wikipedia.org/wiki/Worldwide_Governance_Indicators). – *Прим. ред.*

политики. Это означает, что правление должно быть не только демократическим, но и эффективным. Наш подход отличается также тем, что мы изучаем хорошее *governance* в условиях демократии» [Mainwaring, Scully, 2008, p. 113–114].

Подобно Мейнверингу и Скалли, мы различаем *governance* как следствия и демократию как процесс, предполагающий широкое участие граждан и конкуренцию элит. В то же время некоторые исследователи усматривают «напряженность между *governance* и демократией», поскольку немажоритарные (недемократические) институты иногда приводят к лучшим результатам правления (например, экономическим), нежели демократические [Bevir, 2007, p. 379]. Однако корреляция между степенью демократии и *governance* может быть выявлена только эмпирическим путем, поэтому мы избегаем использование терминологии *democratic governance*.

Измерение *governance* через верховенство закона

Всемирный банк проранжировал 212 стран по шести индикаторам метаценностей. В их число входят 192 государства – члена ООН, несколько нечленов ООН (например, Тайвань) и некоторые административные и политические образования, традиционно не рассматриваемые как независимые государства (к их числу относятся Гонконг и территория Гуам). В нашем исследовании использованы данные Всемирного банка по значениям индикатора *верховенство закона* для 211 стран мира (кроме небольшого острова Ниуэ) за 2007 г.

Индикатор *верховенство закона* (далее – ВЗ) характеризуется наибольшим средним значением коэффициентов корреляции ($R_{\text{ср.}} = 0,87$) с остальными пятью индикаторами Всемирного банка. Хотя понятие «верховенство закона» отличается «большой концептуальной и практической сложностью» [Carothers, 2006, p. 26], оно является центральным во многих концепциях *governance*. Отметим, что верховенство закона не тождественно демократии. Комментируя решение XV съезда Коммунистической партии Китая в 1997 г. «отдать приоритет верховенству закона перед демократией», Й. Кьян и Дж. Ву замечают: «Верховенство закона – это не то же самое, что демократия. Например, в Гонконге и Сингапуре – двух странах с наиболее свободной рыночной экономикой,

есть верховенство закона, но нет демократии, отвечающей западным стандартам» [Qian, Wu, 2000, p. 11]. По их словам, верховенство закона необходимо для современной рыночной экономики, но оно не «составляет прямой и непосредственной угрозы власти правящей партии».

Всемирный банк рассчитывает стандартизированный индикатор ВЗ с нулевым средним значением и единичной дисперсией. Эти стандартизированные оценки (часто именуемые z-оценками) указывают на место данного государства среди других по данному показателю, измеряющему «восприятие того, в какой мере агенты доверяют и подчиняются правовым нормам общества; в особенности – степень защищенности контрактов, прав собственности, качество работы правоохранительных органов и органов правосудия, а также ожидаемость правонарушений и насилия» [Kauffman, Kraay, Mastruzzi, 2008, p. 7–8].

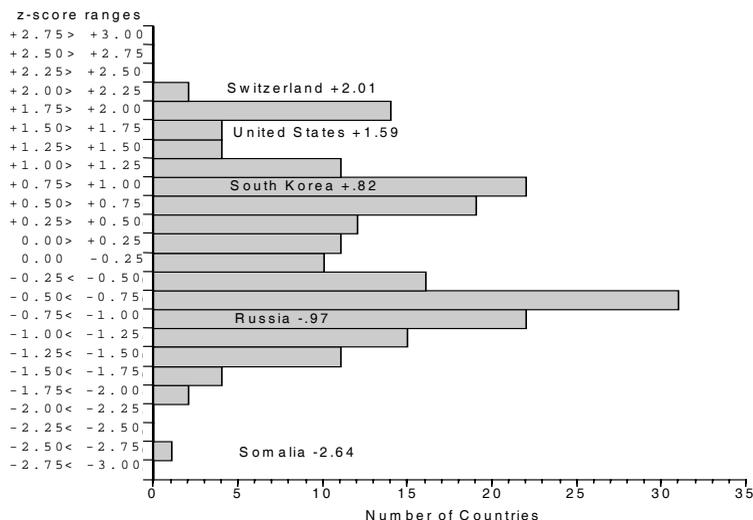

Рис. 1.
Гистограмма ВЗ в 211 странах мира в 2007 г.

На рис. 1 представлено распределение значений ВЗ для 211 стран в 2007 г. В качестве иллюстрации приводим значения индекса и расположение на гистограмме пяти государств (Швейцария, США, Южная Корея, Россия, Сомали). Наибольшее значение ВЗ соответствует Швейцарии (2,01), в то время как наименьшее – Сомали (-2,64). Значение индекса, соответствующее США (1,59), соответствует примерно 90-му процентилю, в то время как значения Южной Кореи (0,82) и России (-0,97) располагаются в районе 75-го и 20-го перцентилей соответственно.

Распределение государств мира на рис. 1 можно грубо считать бимодальным. При этом страны мира распадаются на две группы: со значением индекса ниже и выше нуля. То есть можно выделить два кластера государств: обеспечивающих и не обеспечивающих верховенство закона. Выявленное кластерное разбиение позволяет говорить о принципиальных различиях между государствами мира по этому показателю. Можно ли объяснить обозначенную вариацию с помощью различий в партийной системе?

Оценка влияния партийной системы

Многие считают, что на качестве государственного управления сказывается качество партийной системы. В одном из докладов ООН говорится: «На сегодняшний день во многих странах политические партии являются ключевым элементом аппарата государственного управления. В демократических системах партии выполняют несколько функций. Они агрегируют интересы граждан, убеждая их в необходимости поддержать те или иные предложения по повестке дня, и способствуют согласованности электоральных решений избирателей. Они могут мобилизовать электорат за рамками избирательной кампании. В конфликтных ситуациях они могут играть решающую роль в стабилизации ситуации или усилении враждебности. Одержав победу на выборах, партии могут играть существенную роль в формировании политики, распределении ресурсов и определении позиции правительства по тем или иным вопросам. Кроме того, партии выращивают будущих политических лидеров и следят за работой избранных представителей. Институционализируемая партийная система может контролировать избранных политиков» [Democratic Governance Group, 2006, p. 9].

Подчеркивая важность политических партий для демократического правления, международные и неправительственные организации тратят миллионы долларов на развитие партий, именуя это поддержкой развития демократии [Carothers, 1999]. Обычно организации, занимающиеся поддержкой развития демократии, борются с фрагментированностью партийных систем и стимулируют конкуренцию партий и устойчивость партийной системы. Если характеристики партийной системы действительно настолько важны для *governance*, влияние партийной системы должно проявиться в сравнительном межстрановом анализе, включающем все типы государств: с много- и однопартийными, а также беспартийными системами. Государства, партийные системы которых имеют более высокие рейтинги по тем характеристикам, которым отдают предпочтение агентства по оказанию помощи демократии, должны также получать более высокие рейтинги по общепринятым индикаторам *governance*. Если теория, связывающая характеристики партийной системы с *governance*, верна, то влияние партийной системы должно быть обнаружено в анализе данных по странам мира.

В этой работе мы исследуем, могут ли различия в национальных партийных системах объяснить вариацию *governance*, используя для этого значения индекса ВЗ Всемирного банка за 2007 г. Более подробно вопросы сбора данных о партийной системе в 212 государствах описаны в работе [Janda, Kwak, 2009]. В общем, нами были собраны данные о распределении мест между партиями в парламентах за два временных периода: после выборов «с экспериментальным статусом» (*stimulus election*) до 2007 г. и после выборов «с контрольным статусом» (*referent election*), следующих за выборами «с экспериментальным статусом»¹. Выборы «с экспериментальным статусом» отражали состояние партийной системы, которое – как ожидалось – должно было повлиять на *governance* в 2007 г., в то время как выборы «с контрольным статусом» отражали стабильность партийной системы. Нам удалось собрать данные о проценте мест, полученных партиями в законода-

¹ Использование выражений «выборы с экспериментальным статусом» и «выборы с контрольным статусом» для перевода понятий «*stimulus election*» и «*referent election*» обусловлено принятой русскоязычной статистической традицией, выделяющей экспериментальную и контрольную группы наблюдений. – Прим. перев.

тельных органах 189 государств. В некоторых странах выборными являлись не все депутатские места.

В другой работе мы исследовали параметры, характеризующие партийные системы, и предложили обзор альтернативных показателей уровня фрагментированности партийной системы, ее конкурентности и изменчивости, а также детально обсудили вопросы использования имеющихся у нас данных для измерения всех трех параметров партийной системы и представили полученные результаты [Janda, Kwak, Suarez-Cao, 2010]. Здесь же мы используем три показателя – фрагментированности, конкурентности и изменчивости – партийных систем, которые дают наиболее интерпретируемые результаты, а также выявляем влияние этих показателей на *governance*, измеренное с помощью индекса ВЗ.

Даже самые убежденные поборники партийной политики вряд ли будут утверждать, что характеристики партийной системы являются основными причинными факторами, влияющими на качество *governance*. Правительства не могут хорошо управлять, если в их распоряжении нет необходимых ресурсов. Соответственно, уровень национального богатства обычно рассматривается как основной фактор *governance*. Почти все исследователи находят сильную положительную связь между национальным богатством (измеренным в душевом ВВП) и *governance* (вне зависимости от используемого показателя) [Xin, Rudel, 2004; Kurtz, Schrank, 2007]. Кроме того, некоторые исследователи высказывают гипотезу о том, что чем больше страна, тем ниже качество *governance*. Обоснование этой гипотезы было предложено М. Куртцом и Э. Шранком: «Бóльшие страны характеризуются большей сложностью и в принципе хуже управляемы» [Kurtz, Schrank, 2007, p. 544]. Помимо уровня национального богатства и географических размеров, выделяются также иные факторы (такие, как колониальный статус и история заселения), однако для проверки влияния этих факторов нужно собрать необходимые данные для всех 212 государств, представленных в массиве Всемирного банка, что достаточно сложно. Нам удалось собрать данные об уровне национального богатства и географических размерах для каждого государства в нашем исследовании. Поскольку обе переменные характеризуются сильной скошенностью распределения своих значений в сторону больших чисел, мы прибегли к логарифмированию обоих показа-

телей для нормализации распределения. В дальнейшем анализе использовались именно логарифмы.

Уровень национального богатства мы измеряем с помощью логарифма душевого ВВП (далее – переменная «богатство»). Размер территории страны мы определяем с помощью квадратных километров, а не численности населения (как часто делается в эмпирических исследованиях), поскольку этот показатель позволяет выявить более сильные корреляционные связи. Наша переменная «размер территории» рассчитывается как логарифм размера территории государства в квадратных километрах, умноженный на -1 (тем самым переменная показывает не «величину», а «малость территории» государства и позволяет ожидать положительных коэффициентов в регрессионных уравнениях). Обе переменные («богатство» и «размер территории») были стандартизированы (среднее значение равно 0, а дисперсия – 1) в целях получения шкалы, идентичной шкале измерения правопорядка.

Мы построили уравнение множественной регрессии зависимой переменной (отклика) ВЗ на независимые переменные (предикторы) «богатство» и «размер территории». При построении моделей парной регрессии предиктор «богатство» объясняет 61% вариации отклика. Добавляя в модель переменную «размер территории», мы повышаем долю объясненной вариации до 66%, т.е. почти до двух третей изменчивости зависимой переменной. Коэффициенты в приводимом ниже уравнении являются стандартизованными (так называемые бета-коэффициенты) и могут интерпретироваться в терминах единиц стандартного отклонения (во всех случаях, если не указано обратное, коэффициенты значимы на 99%-ном уровне доверия). Суммируя влияние обеих переменных, можно сказать, что при увеличении уровня богатства государства на 0,73 стандартных отклонения и снижении размеров территории государства на 0,23 стандартных отклонения значение переменной ВЗ увеличивается на одно стандартное отклонение (т.е. 0,96). Уравнение (1) характеризует выявленную взаимосвязь для всех 211 анализируемых стран:

$$ВЗ = 0,73* \text{ богатство} + 0,23* \text{ размер территории} \quad R^2_{\text{adj}} = 0,66 \quad (1)$$

Поскольку уровень национального богатства и размер территории объясняют почти две трети межстрановой вариации показателя ВЗ, можно ожидать, что различия в характеристиках партийной системы не могут существенным образом повысить точность модели. Тем не менее международные программы помощи потратили миллионы долларов на укрепление, стабилизацию и демократизацию партийных систем. Вероятно, они ожидали, что потраченные средства окажут измеримое воздействие на эффективность государственного управления. В нашей работе проверяются три гипотезы о влиянии партийной системы на «верховенство закона» как ключевой индикатор *governance*:

1) чем более *фрагментирована* партийная система, тем ниже «верховенство закона»;

2) чем выше *конкурентность* партийной системы, тем выше «верховенство закона»;

3) чем выше *волатильность* партийной системы, тем ниже «верховенство закона».

Фрагментированность партийной системы

Термин «фрагментированность» применяется к семейству индексов, основанных на сравнительной силе партии (в плане полученных голосов или мест). Лежащий в основе этих индексов теоретический концепт нам неясен. По мнению одних авторов, речь идет об измерении хаоса внутри партийной системы (не слишком ли много партий?); по мнению других, измеряется конкурентность партийной системы [Kesselman, 1966; Rae, 1971; Kuenzi, Lambright, 2005]. Вне зависимости от того, что означает фрагментированность, ряд авторов обсуждают в своих работах те или иные последствия высокой фрагментированности партийной системы.

Р. Ениколопов и Е. Журавская [Enikolopov, Zhuravskaya, 2007] полагают, что результатом фрагментированности являются слабость правящих партий и их неспособность определять политический курс правительства. Лейн и Эрссон обобщили эту гипотезу: «Высокий уровень фрагментированности (т.е. избыток партий) мешает многопартийной системе обеспечивать устойчивое и долгосрочное правительство – по крайней мере, так гласит теория

партийных систем» [Lane, Ersson, 2007, p. 94]. Тем не менее Лейн и Эрссон полагают, что некоторый уровень фрагментированности партийной системы увеличивает «шансы избирателей посылать политикам и/или политическим партиям сигналы и показывать, что они наблюдают за их деятельностью». Другие авторы говорят о теоретической амбивалентности Лейна и Эрссона.

К. Андерсон утверждает, что высокая фрагментированность, при которой разные партии ориентируются на разные сегменты электората, положительно связана с удовлетворенностью демократией [Anderson, 1998]. Мейнверинг, наоборот, полагает [Mainwaring, 1999, p. 285], что высокая фрагментированность партийной системы сковывает президента в проведении политических реформ. А. Гржымала-Буссе возражает, заявляя о том, что высокая фрагментированность партийных систем в Центральной и Восточной Европе обусловила электоральную неопределенность, которая ограничивает использование государственных ресурсов однопартийными правительствами [Grzymala-Busse, 2003]. В то же время И. Доэрти утверждает, что высокая фрагментированность препятствует появлению сильной политической оппозиции [Doherty, 2001]. Г. Тока и А. Хеньяк обращают внимание на дестабилизирующее влияние *как высокой, так и низкой* фрагментированности партийной системы [Toka, Henjak, 2009]. Наконец, О. Санчес говорит о том, что вариации фрагментированности не имеют значения, когда партийные системы варьируются по степени институционализации [Sanchez, 2009]. Запутывая вопрос еще больше, некоторые авторы измеряют институционализацию через волатильность (*volatility*), которая никак не связана с фрагментированностью [Hicken, 2006; Robbins, 2008].

Мы проверили шесть разных показателей фрагментированности партийной системы. *Ни один из них* не оказался статистически значимым в объяснении межстрановой вариации индекса ВЗ. Данные о парламентских системах в 189 странах указывают на отсутствие систематической связи между фрагментированностью партийной системы (по крайней мере, при ее измерении любым из этих шести показателей) и *governance*. Первая гипотеза – чем более *фрагментирована* партийная система, тем ниже «верховенство закона» – нами решительно отвергается.

Конкурентность партийной системы

Мы рассматриваем парламентскую партийную систему как *конкурентную*, если существует партия, способная составить конкуренцию и, возможно, превзойти наиболее крупную партию в контроле над правительством. Важен «чистый» размер партий, борющихся за власть. Соперничающие правящие партии должны быть достаточно большими для того, чтобы иметь возможность назначать министров [Skjøveland, 2009]. Для операционализации понятия «конкурентность партийной системы» мы используем процент мест, подконтрольных второй по величине партии после выборов («с экспериментальным статусом»). Эта переменная носит название «партия № 2». Отметим, что эта переменная не коррелирует с рассматриваемыми нами показателями фрагментированности. Распределение этой переменной для 189 стран имеет также то преимущество, что является одномодальным и почти симметричным. Процент мест, подконтрольных второй по величине партии, удобен тем, что дает больше информации о других партиях, чем процент мест у наибольшей или третьей партий. Мы используем переменную «партия № 2», которая широко не применялась в литературе, посвященной политическим партиям (если применялась вообще), для измерения конкурентности партийной системы.

Хотя для конкурентности партийной системы в научной литературе, возможно, не было найдено адекватного измерителя, сам концепт представляется важным с теоретической точки зрения. А. Виль отмечает: «Партийная конкуренция на открытых выборах является основным институциональным инструментом, используемым в современных политических системах для претворения в жизнь идеалов демократии и защиты представительного правления» [Weale, 2006, p. 271]. Действительно, для «электоральных демократий» (т.е. тех, по определению неправительственной организации «Freedom House», где «последние общенациональные выборы в национальный законодательный орган являлись свободными и справедливыми» [Freedom House, 2006]), нами была выявлена корреляция между переменной «партия № 2» и уровнем демократичности, рассчитываемым «Freedom House». Коэффициент корреляции равен 0,53. В отличие от ситуации с показателями фрагментированности партийной системы, при включении в уравнение

регрессии переменной «партия № 2» удастся добиться увеличения точности модели (коэффициент детерминации возрастает до 0,67), а влияние новой переменной оказывается статистически значимым.

$$B3 = 0,7 * \text{богатство} + 0,22 * \text{размер территории} + 0,1 * \text{партия № 2} \quad R^2_{\text{adj}} = 0,67 \quad (2)$$

В нашем распоряжении были данные о количестве мест в парламентах лишь 189 государств, но мы включили в анализ данные о всех 211 странах путем стандартизации используемых переменных и замены пропущенных значений нулем. Хотя при этом сохранилась исходная дисперсия индекса ВЗ, мы снизили точность модели в результате замены пропущенных значений средними.

Несмотря на то что уравнение 2 едва ли увеличивает объясненную вариацию отклика, можно утверждать, что оно более корректно специфицировано. При сравнении двух графиков регрессий (см. рис. 2) заметно, что во втором случае и США и Россия оказываются ближе к регрессионной прямой из-за различного эффекта конкурентности партийной системы. Вторая по величине американская партия набрала после выборов в Конгресс 2004 г. 47% мест, в то время как вторая по величине российская партия имела после выборов 2003 г. лишь 12% мест. Учет большей конкурентности партийной системы в США и меньшей в России несколько повышают точность регрессионного прогноза индекса ВЗ для обеих стран.

Хотя влияние процента мест в парламенте, полученных второй по величине партией, невелико, этот показатель значимым образом связан с качеством governance в странах мира. Этот вывод подтверждает нашу вторую гипотезу: чем выше конкурентность партийной системы, тем выше «верховенство закона».

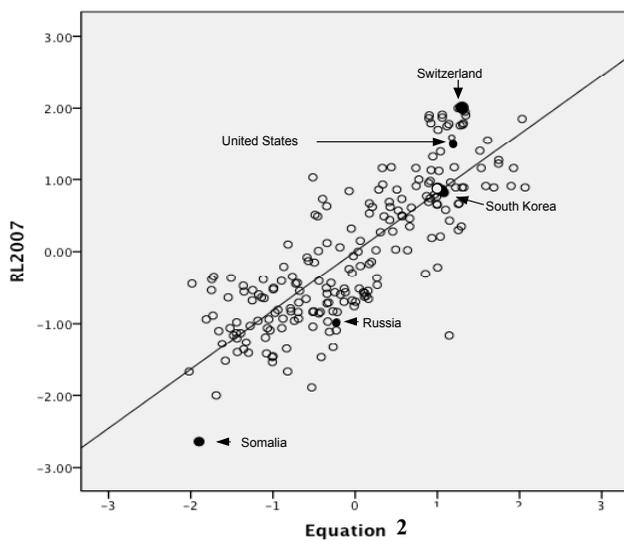
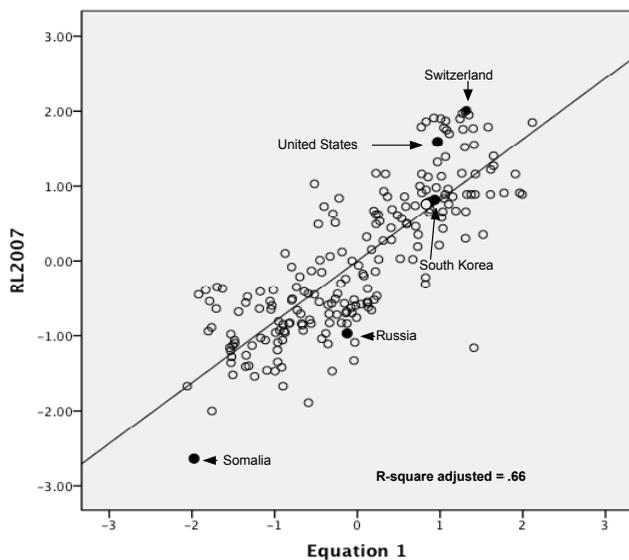

Рис. 2
Графики регрессий уравнений 1 и 2

Волатильность партийной системы

В повседневной речи термин «волатильность» означает непостоянство, мимолетность, способность быстро меняться. Он имеет одно и то же значение в описании партийных систем, но используется раздельно для полученных партией голосов на выборах и мест [Lane, Ersson, 2007]. Волатильность *электората*, получившая известность благодаря работам М. Педерсена, характеризует изменения в проценте голосов, отданных за партии на соседних в хронологическом плане выборах [Pedersen, 1979]. Волатильность *мест* отражает изменения в процентах депутатских мандатов всех партий на аналогичных выборах. Конечно, показатели волатильности электората и мест имеют высокую корреляцию; Эрссон и Лейн [Ersson, Lane, 1998] на данных для 18 европейских стран установили между этими показателями корреляцию, равную 0,77.

Исходная формула, предложенная М. Педерсеном для измерения волатильности, рассчитывает разницу в процентах голосов, отданных за все партии на соседних выборах. Наша формула несколько отличается тем, что мы рассчитываем разницу в процентах мест, полученных партиями на соседних выборах. Еще более существенно то, что мы рассчитываем показатель волатильности на основании данных для трех партий, получивших наибольшее число депутатских мандатов на выборах «с экспериментальным статусом». Соответственно, формула нормируется на долю голосов, полученных k партиями, поскольку не все партии учитываются в расчетах [см.: Vigch, 2003]. Мы заменяем двойку в знаменателе формулы Педерсена на сумму долей депутатских мест, полученных k партиями, учитываемыми в расчетах. Преобразованный индекс принимает значения не от 0 до 100, а от 0 до 1 и может интерпретироваться как доля прироста процента мест, полученных k партиями на соседних выборах, от общего процента полученных ими мест:

$$\text{Волатильность}_{\text{мест}} = \sum_{i=1}^k p_{i(t)} - p_{i(t-1)} \left/ \left(\sum_{i=1}^k p_{i(t)} + \sum_{i=1}^k p_{i(t-1)} \right) \right.,$$

где $p_{i(t)}$ – процент мест после выборов «с экспериментальным статусом», $p_{i(t-1)}$ – процент мест после выборов «с контрольным статусом»; $k = 3$ – число партий, учитываемых в расчетах.

В теории стабильность партийной системы (часто измеряемая индексом М. Педерсена) оказывает положительное влияние на государственное управление. С. Берч [Birch, 2003] перечисляет четыре негативных последствия высокой волатильности партийной системы: меньшая подотчетность избирателям, более низкие темпы партийной институционализации, более высокая политическая неопределенность и более высокие политические ставки на выборах. Следуя традиционной логике, Дж. Роббинс [Robbins, 2008] отмечает отрицательную связь волатильности партийной системы с объемом финансирования общественных благ, рассматриваемым в качестве одного из показателей *governance*.

Однако, как и в случае с обсуждением фрагментированности партийной системы, некоторые исследователи высказывают мнения, противоречащие общераспространенной теории.

Лейн и Эрссон пишут: «Наоборот, в нашей работе показывается, что волатильность электората укрепляет позиции принципала и заставляет агентов действовать в большей степени в интересах принципала, чем в своих собственных интересах» [Lane, Ersson, 2007, p. 97]. Ш. Мозаффар и Дж. Скерритт также замечают: «Высокая волатильность электората может рассматриваться как средство очищения системы, устраняющее неэффективные партии и оставляющее малое число партий конкурировать за голоса избирателей и право формировать правительство» [Mozaffar, Scarritt, 2005, p. 417]. М. Кенци и Дж. Лембрайт указывают, кроме того, на то, что волатильность мест – в особенности в «новых демократиях» – «может способствовать оживлению ранее стагнировавших партийных систем» [Kuenzi, Lambright, 2005, p. 426]. Наконец, Г. Тока и А. Хеньяк пишут о том, что особенно низкие и особенно высокие уровни стабильности партийной системы оказывают разрушительное влияние на постепенное становление подотчетности правительств избирателям» [Toka, Henjak, 2009, p. 6].

Мы проверили положения классической теории об эффектах волатильности партийной системы на основании данных о 189 странах с помощью регрессионного анализа. В качестве предикторов используются переменные «богатство», «размер территории» и «волатильность» (преобразованная таким образом, чтобы большие значения соответствовали ситуации стабильности партийной системы). При включении переменной «волатильность» в

регрессионное уравнение в качестве третьего предиктора результат оказывался похожим на полученные при использовании всех показателей фрагментированности. Связь волатильности с индексом ВЗ оказалась статистически незначимой (но более значимой, чем связь фрагментированности с ВЗ).

Мы пересмотрели свое понимание роли стабильности парламентских партий и пришли к выводу о том, что она может быть значимой для качества *governance* лишь в ситуации конкурентных выборов. Выше уже упоминалось, что «Freedom House» относит к электоральным демократиям те государства, в которых (наряду с прочими критериями) последние общенациональные выборы в национальный законодательный орган были свободными и справедливыми. В 2005 г. «Freedom House» классифицировал в качестве электоральных демократий 123 государства из 192 (64%) (Россия к их числу не относилась). Применяя критерии «Freedom House» для характеристики 20 государств, которые не входили в его выборку, мы получили 136 электоральных демократий. Из них шесть государств были небольшими странами с беспартийными выборами. Таким образом, в уравнение были введены данные по 130 странам. Были получены следующие результаты.

$$\begin{aligned} \text{ВЗ} &= 0,75^* \text{ богатство} + 0,13^* \text{ размер территории} + 0,13^* \text{ волатильность}; \\ R^2_{\text{adj}} &= 0,70 \quad (3) \end{aligned}$$

Переменная «партия № 2» была исключена из анализа из-за ее высокой коррелированности с показателем электоральной демократии (коэффициент корреляции равен 0,53). То есть конкурентность партийной системы сама по себе является отличительным признаком электоральной демократии.

Влияние волатильности партийной системы на индекс ВЗ в уравнении значимо на уровне доверия, превышающем 99%. При включении в регрессионное уравнение предиктора «волатильность» доля объясненной вариации отклика возрастает до 70%. Таким образом, мы установили, что стабильность партийной системы способствует повышению качества государственного управления только в тех странах, в которых выборы имеют самостоятельное значение (например, в электоральных демократиях).

Выводы и заключение

В статье предлагается улучшенное определение *governance*, отсылающее к традиционному словарному определению этого понятия, сформулированному в терминах суверенной государственной власти, которая является сферой его приложения. Концептуально понятие оценивает систему государственного управления на основании результатов на выходе, а не институциональных структур и процессов. Предлагаемое определение позволяет измерять качество государственного управления по имплицитной шкале от плохого к хорошему. Поскольку результаты на выходе деятельности любого правительства разнообразны, предлагаемое понятие многомерно. Шесть индикаторов качества государственного управления Всемирного банка являются примером операционализации его различных аспектов. Наконец, понятие *governance*, характеризующее результаты и последствия деятельности государственной власти, и понятие *демократия*, характеризующее процессы и процедуры, должны рассматриваться как сущностно и концептуально различные.

Наше исследование влияния характеристик партийной системы на *governance* было проведено с максимальным географическим охватом (рассматривались почти все страны мира) и уровнем обобщения (использовался показатель «верховенство закона»). Мы исходили из посылки, что если партийная система оказывает значимое воздействие на деятельность правительства, то мы должны обнаружить существенные эффекты различий в характеристиках партийной системы при неизменности показателей национального богатства и размеров территории государства. Нами были проверены три гипотезы:

- 1) чем больше фрагментирована партийная система, тем ниже «верховенство закона» (опровергнута);
- 2) чем выше конкурентность партийной системы, тем выше «верховенство закона» (подтверждена);
- 3) чем более волатильна партийная система, тем ниже «верховенство закона» (подтверждена).

Волатильность партийной системы, однако, значимо связана с индексом «верховенство закона» лишь в странах, квалифицируе-

мых как электоральные демократии, т.е. в тех, где выборы характеризуются открытостью и конкурентностью.

Индекс «верховенство закона» – это только один из шести показателей, рассчитываемых Всемирным банком. Два других показателя – «подотчетность власти» (Voice and Accountability) и «политическая стабильность» (Political Stability) – имеют средние значения коэффициентов корреляции с остальными четырьмя показателями, равные 0,76 и 0,71 соответственно. Установлено, что фрагментированность партийной системы, не связанная значимым образом с индексом «верховенство закона», оказывает статистически значимое влияние на показатели подотчетности власти и политической стабильности. Этот вопрос будет исследован нами в дальнейшем.

Список литературы

- Anderson Ch.J.* Parties, party systems and satisfaction with democratic performance in the New Europe // Political studies. – Wiley-Blackwell, 1998. – Vol. 46. – P. 572–588.
- Besançon M.* Good governance rankings: The art of measurement. – Cambridge, MA: World peace foundation, 2003. – 40 p.
- Bevir M.* Encyclopedia of governance. – L.: 2007. – Vol. 1–2. – 1232 p. – (Sage reference publication).
- Birch S.* Electoral systems and political transformation in post-communist Europe. – Basingstoke: Palgrave-Macmillan, 2003. – 288 p.
- Contemporary political concepts / Blakeley G., Bryson V. (eds.). – L.: Pluto press, 2002. – 240 p.
- Promoting the rule of law abroad // Search of knowledge / Carothers Th. (ed.). – Wash., DC: Carnegie endowment for international peace, 2006. – 363 p.
- Carothers Th. Aiding democracy abroad: The learning curve. – Wash., DC: Carnegie endowment for international peace, 1999. – 412 p.
- Democratic governance group. A handbook on working with political parties. – N.Y.: United Nations bureau for development policy, United Nations development programme, 2006. – 107 p. – Mode of access: <http://www.undp.org/governance/docs/policy-pub-polpartieshandbook.pdf> (Дата посещения: 10.08.2010.)
- Doherty I.* Democracy out of balance: Civil society can't replace political parties // Policy review. – Stanford: Hoover institution press, 2001. – Vol. 106. – P. 25–35.

- Enikolopov R., Zhuravskaya E.* Decentralization and political institutions // Journal of public economics. – Elsevier, 2001. – Vol. 91. – P. 2261–2290.
- Ersson S., Lane J.-E.* Electoral instability and party system change in Western Europe // Comparing party system change / Pennings P., Lane J.-E. (eds.). – L: Routledge, 1998. – P. 23–39.
- European Commission, European Union. What is governance? –Undated, page archived at EC: Website. – Mode of access: http://ec.europa.eu/governance/governance/index_en.htm (Дата посещения: 10.08.2010.)
- Freedom House, Wash., DC. – Mode of access: http://www.freedomhouse.org/template.cfm?page=351&ana_page=298&year=2006 (Дата посещения: 10.08.2010.)
- Grzymala-Busse A.* Political competition and the politicization of the state in East Central Europe // Comparative political studies. – Sage, 2003. – Vol. 36. – P. 1123–1147.
- Janda K., Kwak J.* Competition and volatility in parliamentary party systems for 212 polities: Paper delivered at the 2009 Annual meeting of the MidWest political science association, Chicago, Illinois. – P. 13. – Mode of access: http://www.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/3/6/3/6/6/pages363661/p363661-1.php (Дата посещения: 10.08.2010.)
- Janda K., Kwak J., Suarez-Cao J.* Party system effects on country governance: Paper delivered at the 2010 Annual meeting of the MidWest political science association, Chicago, Illinois. – P. 30. – Mode of access: <http://janda.org/bio/parties/papers/Janda%20et%20al%202010a.pdf> (Дата посещения: 10.08.2010.)
- Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M.* Governance matters VII: Aggregate and individual governance indicators, 1996–2007. – Wash., DC: World bank, 2008. – P. 7–8.
- Kuenzi M., Lambright G.* Party systems and democratic consolidation in Africa's electoral regimes // Party politics. – Sage, 2005. – Vol. 11. – P. 423–446.
- Kurtz M.J., Schrank A.* Growth and governance: Models, measures and mechanisms // Journal of politics. – Cambridge: Cambridge Univ. press, 2007. Vol. 69. – P. 538–554.
- Lane J.-E., Ersson S.* Party system instability in Europe: Persistent differences in volatility between West and East? // Democratization. – Routledge, 2007. – Vol. 14. – P. 92–110.
- Lim J.J.* Governance indicators in the social sectors: Paper delivered at the Annual meeting of the MidWest political science association. – Chicago, 2009. – Mode of access: http://www.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/3/6/3/8/2/p363827_index.html (Дата посещения: 10.08.2010.)
- Mainwaring S.* Rethinking party systems in the third wave of democratization: The case of Brazil. – Stanford, CA: Stanford univ. press, 1999. – 412 p.
- Mainwaring S., Scully T.R.* Latin America: Eight lessons for governance // Journal of democracy. – Baltimore: Johns Hopkins univ. press, 2008. – Vol. 19. – P. 113–127.

- Mozaffar Sh., Scarritt J.R.* The puzzle of African party systems // Party politics. – Sage, 2005. – Vol. 11. – P. 399–421.
- OECD (Organization of economic and cultural development). Glossary of statistical terms. – Mode of access: <http://stats.oecd.org/glossary/detail.asp?ID=7311> (Дата посещения: 10.08.2010.)
- Pedersen M.N.* The dynamics of European party systems: Changing patterns of electoral volatility // European journal of political research. – Blackwell, 1979. – N 7. – P. 1–26.
- Peters B.G.* Measurement of governance // Contemporary political concepts / Blakeley G., Bryson V. (eds.). – L: Pluto press, 2002. – P. 554–558.
- Qian Y., Wu J.* China's transition to a market economy: How far across the river?: Paper prepared for the conference on policy reform in China at the Center for research on economic development and policy reform (CEDPR), Stanford university, on November 18–20, 1999 (revised May, 2000). – P. 55. – Mode of access: <http://elsa.berkeley.edu/~yqian/how%20far%20across%20the%20river.pdf> (Дата посещения: 10.08.2010.)
- Radelet S.* Challenging foreign aid: A policymaker's guide to the Millennium challenge account. – Wash., D.C.: Center for global development, 2003. – 200 p.
- Rae D.W.* The political consequence of electoral laws. – New Haven: Yale univ. press, 1967. – 218 p.
- Remington Th.F.* Democracy, governance and inequality: Evidence from the Russian regions: Paper prepared for the annual meeting of the MidWest Political Science Association, Chicago, IL, 3–5 April 2008. – P. 54. – Mode of access: <http://www.nes.ru/english/PE%20Conference/papers/paper%20-%20Remington.pdf> (Дата посещения: 10.08.2010.)
- Rhodes R.A.W.* The new governance: Governing without government // Political studies. – Blackwell, 1996. – Vol. 44. – P. 652–667.
- Robbins J.W.* Party system institutionalization and government spending: Paper prepared for the annual meeting of the MidWest Political Science Association, Chicago, IL, 3–5 April 2008. – Mode of access: http://web.gc.cuny.edu/jcp/robbins_abstract.htm (Дата посещения: 10.08.2010.)
- Sanchez O.* Party non-systems: A conceptual innovation // Party politics. – Sage, 2009. – Vol. 15. – P. 487–520.
- Skjæveland A.* Modelling government formation in Denmark and beyond // Party politics. – Sage, 2009. – Vol. 15. – P. 715–735.
- Smith B.C.* Good governance and development. – N.Y.: Palgrave, 2007. – 320 p.
- Stoker G.* Governance as theory: Five propositions // International social science journal. – UNESCO, 1998. – Vol. 50. – P. 17–28. – Mode of access: <http://www.>

- unesco.org/new/en/social-and-human-sciences/resources/periodicals/issj-social-science/past-issues/ (Дата посещения: 10.08.2010.)
- Taylor A.* Governance Contemporary political concepts: A critical introduction / Blakeley G., Bryson V. (eds.). – Sterling, VA: Pluto press, 2002. – P. 35–53.
- Taylor A.* The strategic impact of the electoral system and the definition of «Good» governance // British politics. – Palgrave Macmillan, 2007. – Vol. 2. – P. 20–44.
- Toka G., Henjak A.* Institutional design and voting behavior in East Central Europe: A cross-national comparison of the impact of leaders, partisanship, performance evaluation and ideology on the vote: Paper presented at the 2009 World Congress of the International Political Science Association, Santiago, Chile. – P. 25. – Mode of access: http://www.personal.ceu.hu/staff/Gabor_Toka/Papers/TokaHenjak07.pdf (Дата посещения: 10.08.2010.)
- United Nations economic and social commission for Asia and the Pacific website. – Mode of access: <http://www.unescap.org/pdd/prs/ProjectActivities/Ongoing/gg/governance.asp> (Дата посещения: 10.08.2010.)
- Vanhanen T.* Democratization: A comparative analysis of 170 countries. – L: Routledge, 2002. – 320 p.
- Walker N., Búrca G. de.* Reconceiving law and new governance // EUI working papers, Law. – San Domenico de Fiesole: European university institute, 2007. – N 10. – P. 23.
- Weale A.* Party competition and deliberative democracy // Democratic politics and party competition: Essays in honour of Ian Budge / Bara J., Weale A. (eds.). – N.Y.: Routledge, 2006. – P. 271–286.
- Weiss Th.G.* Governance, good governance and global governance: conceptual and actual challenges // Third world quarterly. – Palgrave Macmillan, 2000. – Vol. 21, N 5. – P. 795–814.
- World Bank web site. – Mode of access: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.asp> (Дата посещения: 10.08.2010.)
- Джанда К., Берри Дж.М., Голдман Дж., Хула К.В.* Трудным путем демократии. – Москва: РОССПЭН, 2006. – 339 с.

Перевод: Д.К. Стукала